

В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова, Г. И. Герасимова

Социализм в тундре: ненцы-кочевники Ямала на волнах советской северной политики в 1930-е — 1980-е годы

***Карпов Виктор
Петрович***

доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия)

***Гаврилова
Надежда Юрьевна***

доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия)

***Герасимова
Галина Ивановна***

доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия)

Наиболее динамично развивающимся арктическим субъектом России является Ямало-Ненецкий автономный округ (далее — ЯНАО). Однако в регионе, которому отводится ключевая роль в экономике не только Севера, но и государства в целом, усиливается отток населения. Это свидетельствует о неразрешенности социально-экономических проблем, включая «обостряющееся противоречие в индустриальном развитии ЯНАО и сужении жизненного пространства демографически наиболее благополучного коренного этноса Арктики — ненецкого народа, ведущего кочевой образ жизни»¹.

В постсоветский период ушла в прошлое концепция истории «строительства социализма на Севере», основанная на триаде «индустриализация, коллективизация и культурная революция». Новые подходы в историографии позволили преодолеть прежние клише, когда «любая региональная история служила не более чем иллюстрацией названных политик, демонстрирующей, возможно, своеобразие подступа к проблемам развития (сроки, темпы, методы и т. п.), но не их существо»². Активнее других проблемы преобразований на советском Севере, в том числе проблемы коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС), изучают новосибирские (В. А. Ламин, А. И. Тимошенко, С. С. Букин), сургутские (Е. И. Гололобов, И. Н. Стась, М. С. Мостовенко)

и тюменские (Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов, К. А. Холодилова и др.) историки. В контексте антропологии и теории модернизации проблемы сибирского Севера исследуют уральские авторы (А. В. Головнев, К. И. Зубков, Г. Г. Корнилов и др.).

В настоящей статье предприняты попытки: 1) рассмотреть истоки и суть кризиса национальной составляющей северной политики СССР; 2) соотнести замыслы и результаты вовлечения ненцев-кочевников в «строительство социализма», политики их перевода на оседлый образ жизни; 3) раскрыть проблемы выживания КМНС в условиях индустриального наступления на тундру.

Методологической основой исследования стала теория модернизации в интерпретации уральской научной школы (В. В. Алексеев, К. И. Зубков, И. В. Побережников и др.). Процессы модернизации на советском Севере имели определенную региональную специфику и значительное внутреннее разнообразие. Это нашло отражение: 1) в существенном воздействии минерально-сырьевого сектора экономики на традиционные отрасли хозяйства региона, на социальные процессы, на весь уклад жизни КМНС; 2) в принадлежности властных структур к различным ведомствам, в наличии определенных противоречий между ними, в несовпадении государственных, ведомственных интересов и интересов территории, КМНС.

Характерной чертой социокультурной традиции на Крайнем Севере в XX в. было взаимодействие между достаточно стабильными компонентами, транслируемыми от поколения к поколению, и новациями, призванными повысить эффективность социума в процессах адаптации как к новым общественным условиям (коллективизация, индустриализация), так и к условиям меняющейся природной среды. Модернизационные процессы на Крайнем Севере свидетельствуют, что инновации приживались лишь в том случае, если сопровождались адаптацией к местным условиям.

Политика советского государства в отношении северян-кочевников предусматривала их перевод на оседлый образ жизни. Расселение КМНС в крупные поселки с ликвидацией сел и стойбищ, расположенных в промысловых угодьях, восходит к 1930 г., когда в стране были образованы национальные округа. Ненцев-кочевников было решено организовать в простейшие производственные объединения (ППО), которые рассматривались организаторами строительства социализма в тундре как своеобразная форма коллективизации. Тем не менее такие колхозы не позволяли советским чиновникам контролировать должным образом промысловые артели оленеводов, понять технологию кочевого оленеводства³. Однако, по данным официальной статистики, за период с 1930 по 1960 г. в районах Тюменского севера на оседлый образ жизни было переведено 2300 кочевых семей⁴. Мнение и желание самих коренных жителей при проведении кампании, разумеется, не учитывались.

Очаговое освоение территории Тюменского севера в 1920-е — 1950-е гг. сменилось сплошной индустриализацией в 1960-е — 1980-е гг. Пока основным богатством региона были лес, рыба и пушнина, государство не особенно тревожило обитателей тундры. И экология региона почти не пострадала. Все изменилось с началом создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (далее — ЗСНГК), т. е. с середины 1960-х гг. В августе 1963 г. Государственная экспертная комиссия Госплана СССР обнародовала заключение «О комплексном

использовании природно-сырьевых и водно-энергетических ресурсов Тюменской области». Главным природным богатством региона в документе были провозглашены нефть и газ⁵.

Пробная эксплуатация месторождений в 1964 г. показала, что тюменскую нефть можно добывать быстро, дешево и в больших объемах. В конце 1960-х гг. началось освоение газовых месторождений-гигантов в ЯНАО, и к началу 1980-х гг. плотность экономического освоения Тюменского Севера уже не позволяла отделить в этом пространстве районы разработки месторождений и зоны традиционных промыслов КМНС.

На первом этапе создания ЗСНГК — до середины 1970-х гг. — ущерб, нанесенный природе и КМНС, был не так велик, как впоследствии, когда ЗСНГК стал главным кормильцем страны. С середины 1970-х гг. главным источником поступления нефтедолларов в государственную казну стал Тюменский нефтегазовый Север, поэтому власть уже не обращала внимания на экологические издержки индустриализации региона. Наступление на тундру велось по принципу «лес рубят — щепки летят». Министерствам и ведомствам, курирующим добычу углеводородов, многое прощалось за рекордные уровни производства нефти и газа.

В 1965 г., когда началась нефтегазовая сибиряда, ненцы, ханты и селькупы ЯНАО составляли 24,5 тыс. из 70,4 тыс. чел. — 36 % населения округа⁶. Основным занятием аборигенов были оленеводство, рыболовство, пушной промысел. «Мы пытались понять, — вспоминал позже начальник Главтюменнефтегаза (в 1985–1990 гг.) В. И. Грайфер, — как же нам, нефтяникам, строить отношения с ненцами, хантами, манси?» И заключил: «Чем реже коренные народы будут нас видеть, тем лучше»⁷. Однако это понимание пришло позже, а насильственное насаждение новых порядков в тундре, связанных как со «строительством социализма», так и (в большей степени) с индустриализацией Тюменского Севера, прекратилось только в новой России, в 1990-е гг.

Традиционные промыслы КМНС по природе своей требуют освоения больших пространств тайги и тундры, перемещения оленеводов, рыбаков и охотников. Поэтому в результате политики перевода КМНС на оседлый образ жизни аборигены оказались в тяжелом положении. В хозяйственных центрах сосредоточилась вся торговля, органы здравоохранения, культурно-просветительская работа, а производители основных ценностей — оленеводы, охотники и рыбаки, проводившие большую часть года вне хозяйственных центров, оказались предоставлены сами себе.

Традиционный Север невозможно представить без оленей. Они — основной поставщик пищи (более 80 % мяса для снабжения населения Ямало-Ненецкого округа), сырья для одежды и обуви, шкур для изготовления покрытий жилищ. Меховая одежда из оленьих шкур незаменима для рыбаков и охотников, работающих зимой при сильных морозах. Оленьи упряжки в советское время были единственным видом транспорта в тундре. Однако в процессе развития нефтегазовой отрасли и выбытия из хозяйственного оборота больших площадей оленьих пастбищ исторически сложившиеся маршруты движения оленеводческих стад потеряли стабильность.

Пик развития оленеводческих хозяйств Севера Западной Сибири пришелся на период 1960-х гг. — первую половину 1970-х гг. На территории ЯНАО насчитывалось более 680 тыс. голов оленей, из которых 34 % приходилось на долю личного поголовья. Однако начавшееся индустриальное освоение Севера привело к тому, что численность стад стала снижаться, и уже ко второй половине 1980-х гг. на Ямале общее стадо не превышало 300 тыс. голов. По мнению исследователей, потери от негативного воздействия нефтегазового комплекса достигали трети от общего количества стада⁸.

В условиях сокращения жизненного пространства древних северян росла численность незанятого населения. Если в 1959 г. 70 % всех трудоустроенных представителей КМНС ЯНАО работали в традиционных отраслях, то к концу 1980-х гг. — лишь 47,6 %⁹. Северянам, вынужденным отказываться от традиционных занятий и неспособным, как правило, конкурировать с пришлым населением в промышленности, приходилось довольствоваться лишь низкооплачиваемой, непрестижной работой. С 1959 по 1979 г. удельный вес КМНС, занятых неквалифицированным трудом (уборщиц, грузчиков, сторожей), вырос в ЯНАО с 13 % до 30 % и более¹⁰.

Главную проблему в решении задачи перевода кочевого национального населения на оседлый образ жизни руководители Тюменской области и ее северных округов видели в необходимом финансировании и соответствующем обеспечении материально-техническими ресурсами намеченной кампании. Однако и с материальной поддержкой принятого курса было плохо. Из-за ограниченного выделения средств на строительство национальных поселков их образование и обустройство шли в основном за счет финансирования из резерва Совета Министров РСФСР, а эти средства выделялись поздно и без материально-технического обеспечения¹¹. Проверками было установлено, что значительная часть средств из резервного фонда для перевода кочевников на оседлость, выделяемых ответственному за кампанию «центра» Минрыбхозу РСФСР, направлялась не по назначению, а предприятиям и организациям, где кочующего населения нет. В 1980 г. «Сибрыбпрому» было выделено 3 млн руб. на оказание помощи в переводе кочевников на оседлость. Половина этих средств ушла на другие цели¹². На местах в отчетность по сельской местности, где в основном проживали КМНС, включались данные по капитальному строительству Нового Уренгоя, Ноябрьска и других бурно развивающихся городов нефтяников и газовиков¹³.

Наряду с приписками в отчетности власть нередко пыталась выдать желаемое за действительное. «Трудно сейчас найти такую семью, — утверждалось в справке Тюменского облисполкома (1970 г.), — которая не желает переходить на оседлость»¹⁴. Однако реальная картина выглядела не столь радужно. За 1966–1969 гг. рыбозаводы ЯНАО должны были перевести на оседлость по плану 1890 хозяйств, фактически перевели 507. В 1971–1977 гг. на оседлость было переведено 605 кочевых хозяйств, однако продолжали кочевать 1986 семей¹⁵. По данным Центрального статистического управления РСФСР, в 1980 г. в районах Севера кочевали 3,7 тыс. семей (15,6 тыс. чел.), из которых большая часть — 1,8 тыс. семей (9,4 тыс. чел.) проживали на Тюменском Севере¹⁶, т. е. фактически

в ЯНАО, так как в Ханты-Мансийском округе, по данным окружного исполкома, перевод кочевников на оседлость был завершен в 1973 г.¹⁷

Нарушая право КМНС на традиционный уклад жизни, советская власть ставила себе в заслугу их опеку, предоставление льгот и привилегий. Наряду со строительством национальных поселков, государство взяло на себя полное обеспечение тундровиков, помещая их в интернаты; представители КМНС пользовались льготой при поступлении в высшие учебные заведения, а студенты вузов получали бесплатные билеты на проезд к месту учебы в дополнение к бесплатному жилью, питанию и одежде. Но такая система воспитания нарушала связь поколений, трансляцию самобытной культуры, оборачивалась тяжелым стрессом для детей, не подготовленных к жизни в иной для них цивилизации. В рационе питания коренных северян, как установили ученые, сырые мясо и рыба, содержащие биологически активные вещества и витамины, незаменимы никакими овощами и фруктами (которых и не встретишь в тайге и тундре). В интернатах тем не менее детям запрещалась привычная им еда, сырое мясо в случае обнаружения отнималось. Неудивительно поэтому было наблюдать такую картину на экскурсии в Салехардском музее: интернатские воспитанники обнимали чучела оленей и плакали¹⁸.

Дети, воспитывавшиеся в интернатах, и студенты, учившиеся на «большой земле», по возвращении домой не имели навыка ведения традиционного хозяйства, жизни в тайге и тундре, практически не могли или уже не хотели заниматься традиционным промыслом. Так что многие представители КМНС лишались не только своих угодий, традиционных мест обитания, но и национальной культуры, родного языка¹⁹.

Проблема потери идентичности КМНС пронзительно описана в повести ненецкой писательницы А. Неркаги «Анико из рода Ного». Героиня повести Анико приезжает после учебы в Ленинграде в родную ямальскую тундру, следует сцена встречи дочери с отцом:

- Пойдем. Я покажу тебе твоих оленей.
- Моих? Разве у меня они есть?
- У тебя их много, дочь. Третья часть стада твоя <...>
- А зачем мне олени?

Соберуй не ответил. Но Анико поняла, что ее приезд он принял за возвращение навсегда. И верит в это. Но оставаться в тундре глупо. Это означает, что надо переучиваться жить²⁰.

В результате чрезмерной государственной опеки обитателей национальных поселков у КМНС появлялись иждивенческие настроения, а власть обращалась со взрослыми ненцами, ханты, манси, селькупам и другими представителями КМНС как с вечными подопечными государства. По замечанию В. Н. Скалона, советская власть «обращалась с туземцами словно молодая неопытная кошка со своим единственным котенком: желая его сберечь, таскает по всем углам до тех пор, пока тот не испустит дух от заботы»²¹.

Патерналистское отношение к коренным народам Севера было представлено государством как одно из преимуществ советского образа жизни и стало

средством пропаганды. В письме Тюменского облисполкома в Сургутский райисполком сообщалось: «В последние годы за рубежом возрос интерес к жизни и быту народностей Севера, к проблемам развития их экономики и культуры. Чтобы “не ударить в грязь лицом” органы власти приводили в соответствующий порядок национальные поселки, определенные для показа иностранным делегациям. Отделом по работе с народностями Севера Тюменского облисполкома были разработаны “Мероприятия по показу иностранным делегациям достижений в развитии экономики и культуры народностей Севера за годы советской власти”»²².

Угроза традиционной культуре КМНС крылась в сохранении на всем протяжении советского периода централизованного подхода к управлению, вследствие чего региональные органы власти не могли проводить самостоятельную политику, в том числе по отношению к КМНС и в сфере природопользования. Советская политика на Севере основывалась на представлении о региональных органах власти как периферийных ответвлениях центрального государственного аппарата. Их роль сводилась к выполнению распоряжений центра и исполнению правовых норм.

В СССР считалось, что принципы социалистического природопользования по умолчанию позволяют решить все экологические проблемы. Но принимаемые государством меры по охране природы носили ситуативный характер, а борьба с нарушениями экологического законодательства имела характер непродолжительных кампаний. Между тем территория ЗСНГК росла стремительно, увеличившись в 1970–1980-е гг. вчетверо.

С середины 1980-х гг. предпринимались плохо подготовленные попытки выйти на полуостров Ямал, где были открыты уникальные газовые месторождения. До прихода газовиков на полуострове и прилегающей к нему части Приуральского района выпасались 210 тыс. голов домашних северных оленей — половина всего поголовья округа. Здесь действовали четыре оленеводческих совхоза и три рыбозавода, проживало 21,2 тыс. чел., включая 10,6 тыс. представителей народностей Севера. Неподготовленное должным образом индустриальное вторжение на полуостров грозило уничтожением уникальной природной среды и оленеводства (и, как следствие, исчезновением коренного населения). В результате нового строительства на полуострове Ямал было изъято из оборота 587,5 тыс. га оленьих пастбищ и 1 млн 200 тыс. га охотоугодий, был прекращен охотничий промысел. Более 1200 оленеводов, охотников, рыбаков и членов их семей были вынуждены покинуть места постоянного проживания в тундре²³.

Тревогу по этому поводу высказывали ученые. Так, группа специалистов во главе с академиком Т. С. Хачатуровым считала, что в проекте строительства новой железной дороги «Обская — Бованенково — Харасавэй» и в проекте сооружения магистральных газопроводов «Ямал — Запад» на участке «Север-1» не рассмотрены социальные проблемы коренного населения полуострова Ямал и недостаточно полно — проблемы окружающей среды. «Отсутствие решений по этим проблемам при значительных масштабах предстоящего промышленного строительства на Ямале, — подчеркивалось в документе, — ставит под угрозу благополучие, а возможно, и существование коренного населения, а также среды его обитания»²⁴.

В январе 1989 г. председатель Тюменского облисполкома Н. А. Чернухин в письме заместителю председателя Совета Министров СССР В. С. Мураховскому

обращал внимание руководства страны на то, что «работы по освоению месторождений углеводородного сырья на полуострове, в том числе по созданию транспортных систем, начаты без достаточного изучения всех проблем и при отсутствии комплексного плана, что ставит под угрозу сохранение среды обитания коренного населения»²⁵.

О недопустимости нарушения прав коренного населения Тюменского Севера во второй половине 1980-х гг. заявлялось неоднократно на всех уровнях власти. «Не должно быть таких случаев, когда идет просто самозахват, без всякого разрешения ведется бурение, идет добыча нефти и газа», — говорил о территориях проживания КМНС на совещании в г. Тюмени Б. Н. Ельцин в августе 1991 г. Однако далее президент если не оправдывал, то, во всяком случае, объяснял поведение буровиков необходимостью поддержания высоких темпов индустриального освоения территории: «Нефтяники, газовики — народ, заведенный на скорость, им надо быстро, они просто терпеть иногда не могут и допускают незаконные действия»²⁶. В результате, еще до ввода в разработку месторождений на полуострове Ямал, местами на обустраиваемой и осваиваемой площади было уничтожено до 80 % растительного покрова²⁷.

По воззрениям КМНС, природа одухотворена и нанесенная ей обида может обернуться бедой²⁸. Поэтому поведение «покорителей природы» вызывало протест коренных северян. Люди тундры, прекрасно понимающие цену жизненных ресурсов, не способны брать эти жизненные ресурсы безответно у кого бы то ни было. Северный мир предельно аскетичен: все подвергается строжайшей экономии — и пища, и тепло, и жизненная энергия. «В ненецкой жизни, — утверждает Анна Неркаги, — есть что-то от монашества. Тут нет никаких излишеств. Хорошо поработал, сильно устал, немного поел, а на душе хорошо»²⁹. Поэтому всякое расточительство здесь рассматривается как выходящее за пределы нормы.

Нефтяники и газовики на Тюменском Севере повсеместно нарушали регламент работ. Геологические организации, например, при нормах отвода земель под буровые площадки 2,5 га, фактически занимали 10–15 га. После буровой оставалось выжженное пятно, на месте проторенной тракторной колеи — глубокий овраг. Не меньший ущерб причинили подразделения Миннефтегазстроя, особенно при транспортировке 300-тонных суперблоков к месту строительства объектов. После доставки в район Ямбурга речным транспортом их тянули волоком по тундре до площадки монтажа установок комплексной подготовки газа несколько тяжелых тракторов. Ничего живого на протяжении такой «дороги» не сохранялось. А почва в тундре такая, что без специальной процедуры рекультивации следы от тягачей и бульдозеров остаются на десятилетия.

Вклад в разрушение природы внесли и транспортные строители. При положенных нормах отвода коридоров коммуникаций магистральных нефтегазопроводов (100 м) они занимали от нескольких сот метров до нескольких километров. Миллионы гектаров легко ранимой северной земли, оленьих пастбищ были безвозвратно утеряны при прокладке этих и других сложных инженерно-транспортных коммуникаций — железных и шоссейных дорог, линий электропередач³⁰.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. начался процесс формирования новой экологической политики: роль государства в использовании природных ресурсов

и охраны окружающей среды стала оцениваться более реалистично (без социалистических клише), а приоритеты региональной политики Север начал определять самостоятельно, с учетом местной специфики. Получило развитие собственное экологическое законодательство. 18 июня 2008 г. в ЯНАО был принят Закон № 53-ЗАО «Об охране окружающей среды»³¹. В 1990-е — начале 2000-х гг., несмотря на децентрализацию управления охраной природной среды и ориентацию на экономические, правовые методы регулирования природопользования, экологическая политика оставалась малоэффективной. С трудом преодолевалась психология «покорителей природы» — нефтяники и газовики привыкли за десятилетия, что им многое прощалось за производственные достижения. Еще хуже изживалась психология временщиков, ведь территорию осваивали люди из многих районов СССР. Особенно характерной такая психология была для работающих на Севере вахтовым методом. Агрессивное отношение к природе объяснялось и экологической безграмотностью. Даже сегодня далеко не всем известно, что безжизненность тундры — это миф. В ней обитают сотни видов животных и птиц.

Медленное улучшение экологической ситуации объясняется в числе прочего тем, что сложно, а порой невозможно оценить нанесенный природе ущерб, правильно определить объем имущественной ответственности «вредителя». Неопределенность в отношении объемов возлагаемой имущественной ответственности за экологические правонарушения вызывает большую настороженность инвесторов и прибрежных государств. Так, недавние проверки экологического состояния строящегося трубопровода и завода сжиженного природного газа в заливе Анива в рамках проекта «Сахалин-2» показали полную неготовность как государства, так и недропользователей к обоснованию реальных оценок экологического ущерба и к регулированию возникающих проблем такого рода³².

Тем не менее в 2000-е — 2010-е гг. появляется все больше свидетельств того, что ситуация с охраной окружающей среды улучшается. Например при строительстве нефтепровода «Заполярье — Пурпе» протяженностью в 525 км (завершено в декабре 2016 г.) осуществлялся многоступенчатый контроль за воздействием стройки на природные объекты. Предварительно ОАО «Сибнефтепроводстрой» провел в ЯНАО ряд общественных слушаний, которые проходили сложно, но в итоге проект был доработан с учетом требований местных жителей.

Растущие масштабы освоения Ямала увеличивают техногенную нагрузку на природу Севера и на коренное население, численность которого к 2020 г., по расчетам правительства ЯНАО, должна прирасти на 10 %. Поэтому в ЯНАО принята государственная программа «Охрана окружающей среды на 2014–2020 гг.», предусматривающая реализацию целого комплекса мероприятий по предотвращению и минимизации возможного воздействия на экосистему в процессе проведения строительных работ и эксплуатации нефтегазовых объектов.

За рубежом пренебрежительное отношение компаний-недропользователей к аборигенам и их родовым угодьям недопустимо. С нарушителем не согласятся работать инвесторы. Так, Европейский банк реконструкции и развития отказывается в кредитах компаниям, не получившим согласия коренных народов, чьи интересы затрагиваются при разработке земель. Это не блажь банка, кредитующего самые крупные промышленные проекты, а исполнение предписания ООН «и осознание

того, что чистый Север нужен не только аборигенам — всему обществу»³³. Техногенная нагрузка на хрупкую северную природу растет, а рисковать здесь нельзя. Ученые утверждают, что разработки мер по высокотехнологичной ликвидации возможных аварий и чрезвычайных ситуаций в Арктике по-прежнему невелики. На Ямале, где сегодня реализуются крупнейшие инфраструктурные проекты страны («Ямал СПГ», освоение гигантского Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения, сооружение порта «Сабетта» и Северного широтного хода), проблемы экологической безопасности особенно актуальны. Не случайно третий международный форум «Арктика — территория диалога», посвященный экологическим проблемам в Арктике, прошел в 2013 г. в столице ЯНАО — Салехарде.

Ненцы-кочевники Ямала выжили на волнах советской национальной политики — голос тундры оказался сильнее. В наиболее удаленных от «большой земли» районах ЯНАО доля кочевников в постсоветский период выросла и составила значительную, если не большую часть населения. В Приуральском районе, по данным на 2008 г., кочевали более 30 % жителей, в Пуковском — почти 35 %, в Надымском — более 50 %, а в Тазовском — более 70 %. И в целом по ЯНАО процент кочевников среди аборигенов превысил 40 %³⁴.

Индустриализация Тюменского Севера показала, как важно учитывать конкретные этнографические и исторические факторы территории, отражающие специфику жизни коренного населения. В результате пренебрежения ими пострадали все, но в первую очередь КМНС, для которых индустриальное вторжение обернулось потерей традиционной среды обитания, изменило весь уклад их жизни. Такая политика освоения нанесла коренным северянам моральную травму, привела к снижению их уровня жизни, что проявилось в бытовой неустроенности, бродяжничестве, алкоголизме.

Новый этап освоения Ямала следует проходить с учетом советского и зарубежного опыта, рассматривая современные программы развития северных территорий как необходимость формирования взаимовыгодных отношений между двумя секторами северной экономики — индустриальным и традиционным. Без конструктивного диалога культур и учета различных экономических интересов в пространстве Крайнего Севера невозможно представить устойчивое развитие региона, а следовательно, и эффективную реализацию северных программ.

¹ Холодилова К. А. Актуальные проблемы народонаселения в регионах Российской Арктики // Горные ведомости. 2017. № 2. С. 81.

² Зубков К. И. Ямальский север в советской региональной политике 1920-х — 1950-х гг.: методологический аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. Вып. 2. С. 20.

³ См. об этом: Головинёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 92.

⁴ Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. С. 108.

⁵ См. об этом: Стась И. Н. Экологическая история урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.) // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направле-

ния исследований: мат-лы. Всерос. науч. семинара 15–16 окт. 2015 г., Сургут / отв. ред. Е. И. Гололобов. Сургут, 2015. С. 171.

⁶ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3231. Л. 62, 64.

⁷ *Славкина М. В.* Время не ждет. Валерий Грайфер. М., 2009. С. 182.

⁸ См. об этом: Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.) / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М., 1991. С. 49.

⁹ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4048. Л. 291.

¹⁰ См. об этом: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 416.

¹¹ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5917. Л. 122.

¹² Там же. Д. 6497. Л. 141–142.

¹³ Там же. Л. 103.

¹⁴ Там же. Д. 4830. Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 6497. Л. 141–142.

¹⁷ *Карпов В. П.* Анатомия подвига... С. 108.

¹⁸ *Молоков С. М.* Взаимодействие индустриальной и традиционной культур в условиях индустриального освоения Ямала // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. Вып. 2. С. 85.

¹⁹ Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.)... С. 79.

²⁰ *Неркаги А.* Анико из рода Ного // Близок Крайний Север: сб. произведений писателей Севера и Дальнего Востока. М., 1982. С. 55–56.

²¹ Цит. по: *Штильмарк Ф. Р.* Отчет о прожитом: записки эколога-охотоведа. М., 2006. С. 84.

²² *Мостовенко М. С.* Государственная политика в области использования биоресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х — первой половине 1980-х гг. Сургут, 2017. С. 111.

²³ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7519. Л. 144.

²⁴ Там же. Л. 147, 180.

²⁵ Там же. Д. 7650. Л. 45.

²⁶ Там же. Д. 7848. Л. 9.

²⁷ См. об этом: *Харамзин Т. Г.* Обуздать экспансию министерств на Тюменском Севере // Территория — ведомство — человек в Сибири: мат-лы Всесоюз. науч.-практ. конф. Тюмень, 1991. С. 4.

²⁸ Коренные малочисленные народы Севера Ямала / гл. ред. Л. П. Вэлло. Салехард, 2005. С. 17.

²⁹ *Дворцова Н.* Книга притчей Анны Неркаги // Тюменская область сегодня. 2015. 13 февр. С. 7.

³⁰ См. об этом: *Харамзин Т. Г.* Обуздать экспансию министерств... С. 3–4.

³¹ См. об этом: *Приходько Ю. С.* Этапы развития экологической политики на Севере Западной Сибири во второй половине XX — начале XXI в. // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований: мат-лы Всерос. науч. семинара 15–16 октября 2015 г., г. Сургут / отв. ред. Е. И. Гололобов. Сургут, 2015. С. 197.

³² См. об этом: *Карпов В. П.* Экологическая политика на Тюменском Севере (исторический аспект) // Геология и нефтегазоносность Западно-Сибирского мегабассейна (опыт, инновации): мат-лы Междунар. науч.-техн. конф. Т. 3. Тюмень, 2016. С. 165.

³³ *Фальшунова Н.* Как уважению стать законным // Ямальский меридиан. 2012. № 5. С. 28–29.

³⁴ См. об этом: *Холодилова К. А.* Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири как основа сохранения этноса // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 3. С. 94.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю., Герасимова Г. И. Социализм в тундре: ненцы-кочевники Ямала на волнах советской северной политики в 1930-е — 1980-е годы // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 679–690. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.309> УДК 39 (571.1)

Аннотация: Освоению советской Арктики сопутствовал конфликт между традиционной и индустриальной культурами. Носителями первой являются представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС), составляющие значительную часть населения осваиваемой территории, второй — пришельцы с «большой земли», нарушившие традиционный уклад жизни КМНС. Особый интерес в изучении советской практики освоения высоких широт представляет Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), полностью расположенный в арктической зоне. Здесь скорость перемен в 1960-е — 1980-е гг. была выше, чем в каком-либо другом северном регионе СССР, а уклад жизни КМНС, практически не затронутый к середине XX в., подвергся самым серьезным испытаниям. Колоссальные природные ресурсы ЯНАО — вода, рыба, пушнина, олени и др. — не смогли изменить коренным образом статус округа, пока здесь не открыли уникальные газовые месторождения. Их освоение стало первоочередной задачей государства. К началу 1980-х гг. плотность экономического освоения Тюменского Крайнего Севера уже не позволяла отделить в этом пространстве районы разработки месторождений и зоны традиционных промыслов КМНС. Аборигены оказались перед выбором: либо отступить все дальше на Север, либо принять новый, индустриальный образ жизни. Массовый перевод на оседлый образ жизни, укрупнение населенных пунктов, организация обучения детей в школах-интернатах, насаждение других, новых форм жизни на Крайнем Севере едва не обернулись потерей коренного населения. Обращается внимание на экологические последствия формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и отмечается его влияние на традиционный уклад жизни оленеводов.

Ключевые слова: Ямал, ненцы-кочевники, советская политика, индустриализация, оленеводство, природные ресурсы, экология.

Сведения об авторах: Карпов В. П. — доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия); 7654321.58@mail.ru | Гаврилова Н. Ю. — доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия); nyugavrilova@mail.ru | Герасимова Г. И. — доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Тюмень, Россия); gerasimova@tsogu.ru

FOR CITATION

Karpov V.P., Gavrilova N.Yu., Gerasimova G.I. 'Socialism in the Tundra: Nenets-Nomads of Yamal on the Waves of Soviet Northern Policy in the 1930–1980s', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 679–690. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.309>

Abstract: The development of the Soviet Arctic was accompanied by a conflict between traditional and industrial cultures. The bearers of the first are representatives of the indigenous peoples of the North, who constitute a significant part of the population of the territory under development, the second — aliens from the "big earth", who violated the traditional way of life of the indigenous people. The Yamal-Nenets Autonomous Okrug (YNAO), which is completely located in the Arctic zone, is of special interest in studying the Soviet practice of developing high latitudes. Here, the rate of change in the 1960s — 1980s was higher than in any other northern region of the USSR, and the way of life of the indigenous peoples, practically unaffected by the middle of the 20th century, was subjected to the most serious tests. The colossal natural resources of the Yamal-Nenets Autonomous District — water, fish, furs, deer, etc. — could not radically change the status of the District until the unique gas fields were discovered. Their development became the primary task of the State. By the beginning of the 1980s, the "density" of economic development of the Tyumen Far North was no longer able to separate in this area the fields of development of deposits and zones of traditional indigenous fisheries. Aborigines faced a choice: either to retreat further north or to adopt a new, industrial way of life. Mass transfer to a sedentary lifestyle, the consolidation of

settlements, the organization of the education of children in boarding schools, the imposition of other new forms of life in the Far North almost turned into a loss of the indigenous population. Attention is drawn to the ecological consequences of the formation of the West Siberian oil and gas complex and its impact on the traditional way of life of reindeer herders.

Keywords: Yamal, Nenets-nomads, Soviet policy, industrialization, reindeer husbandry, natural resources, ecology.

Authors: *Karpov V.P.* — Doctor in History, Professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia); 7654321.58@mail.ru | *Gavrilova N. Yu.* — Doctor in History, Professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia); nygavrilova@mail.ru | *Gerasimova G. I.* — Doctor in Sociology, Professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia); gerasimova@tsogu.ru

References:

- Dvortsova N. 'Kniga pritchei Anny Nerkagi', *Tyumenskaya oblast segodnya*, 13 February, 2015.
- Falshunova N. 'Kak uvazheniyu stat zakonnyim', *Yamalskiy meridian*, no. 5, 2012.
- Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh folklore* (Ekaterinburg, 2004).
- Karpov V.P. 'Ekologicheskaya politika na Tyumenskom Severe (istoricheskii aspekt)', *Geologiya i neftegazonosnost Zapadno-Sibirskogo megabasseina (opyt, innovatsii): mat-ly Mezhdunarodnoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii*, Vol. 3 (Tyumen, 2016).
- Karpov V.P. *Anatomiya podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa* (Tyumen, 2014).
- Kharamzin T. G. 'Obuzdat ekspansiyu ministerstv na Tyumenskom Severe', *Territoriya — vedomstvo — chelovek v Sibiri: mat-ly Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Tyumen, 1991).
- Kholodilova K. A. 'Aktualnye problemy narodonaseleniya v regionakh Rossiiskoi Arktiki', *Gornye vedomosti*, no. 2, 2017.
- Kholodilova K. A. 'Traditsionnyi obraz zhizni korennykh malochislennykh narodov Severa Zapadnoi Sibiri kak osnova sokhraneniya etnosa', *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, 2009.
- Korennye malochislennye narody Severa Yamala* (Salekhard, 2005).
- Molokov S. M. 'Vzaimodeistvie industrialnoi i traditsionnoi kultur v usloviyakh industrialnogo osvoeniya Yamala', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, iss. 2, 2009.
- Mostovenko M. S. *Gosudarstvennaya politika v oblasti ispol'zovaniya biosursov na Severe Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine 1950-kh — pervoi polovine 1980-kh gg.* Surgut, 2017.
- Narody Sovetskogo Severa* (1960–1980-e gg.) (Moscow, 1991).
- Nerkagi A. 'Aniko iz roda Nogo', *Blizok Krainii Sever: Sbornik proizvedenii pisatelei Severa i Dalnego Vostoka* (Moscow, 1982).
- Prikhodko Yu. S. 'Etapy razvitiya ekologicheskoi politiki na Severe Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XX — nachale XX v.', *Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa: perspektivnye napravleniya issledovaniy: mat-ly Vseros. nauch. seminarov 15–16 oktyabrya 2015, g. Surgut*, Ed. E. I. Gololobov (Surgut, 2015).
- Shtilmark F. *Otchet o prozhitom: Zapiski ekologa-okhotoveda* (Moscow, 2006).
- Slavkina M. V. *Vremya ne zhdet. Valerii Graifer* (Moscow, 2009).
- Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* (Moscow, 2008).
- Stas I. N. 'Ekologicheskaya istoriya urbanizatsii Khanty-Mansiiskogo okruga (1960–1980-e gg.)', *Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa: perspektivnye napravleniya issledovaniy: mat-ly Vseros. nauch. seminarov 15–16 okt. 2015, g. Surgut* (Surgut, 2015).
- Zubkov K. I. 'Yamalskii sever v sovetskoj regional'noi politike 1920–1950-kh gg.: metodologicheskii aspekt', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, iss. 2, 2009.